
PHILOSOPHY

Приватизационные тренды как симптом кризиса парадигмы «совместной жизни»

Е. В. Ходус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепр, Украина

Paper received 23.08.17; Accepted for publication 28.08.17.

Аннотация. В статье предпринята попытка прояснить причины актуализации приватизационных трендов в условиях современного социума, а также раскрыть в рамках (пост)структуралистской парадигмы специфику их производства и потребления. Обосновывается тезис, согласно которому о приватизационных трендах можно говорить о в том случае, когда приватные коды в разнообразных своих проявлениях (в феноменальном, в прагматическом, в вещно-предметном, визуальном) получают все большую распространенность в обществе, получают экономическую нагрузку, то есть могут быть выражены в экономических категориях - стоимости/ценности, товарности, конвертируемости.

Ключевые слова: *приватность, кризис солидарности, приватизационный тренд, символическое производство, экономизация аутентичности.*

Приватность как сфера личной автономии и реальной активности по праву может считаться одним из знаковых феноменов нашего времени. На фоне «смерти социального» (Ж.Бодрийяр), «новой атомизации и радикальной индивидуализации» (З.Бауман) принципиально важной характеристикой актуального социального бытия становится кризис парадигмы «совместной жизни». Доминирующей формой социальной субъективности в обществе современного типа выступает такой себе «не принадлежащий индивид» - свободный от «больших социальностей», внутренне-ориентированный, руководствующийся в большей степени этикой личной жизни, нежели соображениями коллективного блага. Мы действительно живем в мире, где «собственное Я» играет против «обезличенного Мы», сообщества против общества, «практики себя» против «практик меня». В этой связи, следует признать, что именно приватная сфера становится пространством реальной личной активности человека. Люди не считают себя ответственными за то, что происходит в «большом мире», их все меньше интересует общественная проблематика, и напротив, «возбуждающее очарование» вызывают темы (которые, к слову, могут иметь реальный мобилизирующий и солидаризирующий эффект), которые концентрируются вокруг проблем «малого мира». Среди таких тем – личное благополучие, индивидуальные права, вопросы идентичности, межличностные отношения, сексуальная жизнь, здоровье, стиль жизни, потребление, досуг. Подобная тематика с очевидностью свидетельствует об усилении «приватизационных трендов», которые содержат коннотацию нового опыта переживания мира, неразрывно связанного с распространением этики индивидуальной автономии относительно публичной коллективности, расширением принципов свободы (пускай и редуцированной до потребительски мотивированной свободы выбора) распоряжаться собой и своими желаниями по собственному усмотрению.

Соответственно целью настоящей статьи является попытка прояснить причины актуализации приватизационных трендов в условиях современного социума, а также раскрыть специфику их производства и прояв-

ления.

Надо полагать, что глубинным фоновым основанием, на котором разворачиваются «приватизационные тренды», является изменение самой природы «социального» как квинтэссенции проекта «простой современности». Речь идет о кризисе буквально всех форм социальности (социальных отношений, социальной жизни, системы социальных институтов, коллективных солидарностей) современного типа, расширение и структурирование которых происходило на протяжении XIX и XX веков. Иначе говоря, *текущие приватизационные тренды прямо коррелируют с кризисом парадигмы «совместной жизни», с усилением этики аутентичности (Ч. Тейлор), с ценностями нового индивидуализма, которые вменяют субъекту активную созидательную роль, прежде всего, по отношению к «собственному Я». Разумеется, в такой интерпретации практики приватности ни в коей мере не имеют ничего общего с социальным инфантилизмом, несоциализированностью и, тем более, асоциальностью. Скорее – это «рациональный ответ» на неопределенность безличных бюрократизированных структур, как выразился З. Бауман [2]. Пор сути дела, речь идет о новом типе субъективности, которая, отнюдь, не препятствует вовлеченности в социальные общности, однако не ценой отказа от индивидуальной независимости. Выбирая для себя форму «сопричастности» к ассоциированной коммуникации, такой субъект руководствуется в первую очередь личными основаниями (этикой самоосуществления в терминологии Ч. Тейлора). Немаловажно, что в этом случае, вполне искренне стремление к соучастию и сопереживанию может подменяться «вычислением собственных выгод и безразличным авторитетом экономических отношений» [9, с. 283]. Другими словами, «непринадлежащий индивид» способен потреблять отношения, эмоции, чувства в сугубо индивидуализированном духе, как его описал З. Бауман, когда «задачей становится получение удовольствия от уже готового к употреблению продукта» [3, с. 198]. Приведем уместный в данном контексте пример мотивационных слоганов, обосновывающих, к примеру, участие в волонтерском движении в Украине: наряд-*

ду с «Помоги спасти еще жизнь!», «Вместе можем спасти жизни!» есть и такой «Сделай свою жизнь яркой и насыщенной!».

Таким образом, приватизационные тренды в значительной степени предстают продуктом описанных выше процессов. В этой связи представляется необходимым пояснить, что мы имеем ввиду под «приватизационным трендом», коль скоро предполагаем использовать данное понятие в качестве концептуальной основы настоящей статьи. Следует отметить, что в своем содержательном основании понятие «приватизационный тренд» вполне созвучно тому, что Ю. Хабермас называет «приватизмом» [11], российский исследователь Н. Козырьков «социально-приватизационным процессом» [10, с. 140]. Если суммировать все то общее, что содержится в значениях упомянутых выше понятий, то «приватизационный тренд» можно определить как экспансию приватной реальности на все формы жизни. При этом в рамках интересующей нас проблемы обращение к идее тренда позволяет обозначить новые векторы процесса приватизации.

Очевидно, мы можем говорить о приватизационных трендах в том случае, когда частные коды в разнообразных своих проявлениях (в феноменальном, в прагматическом, в вещно-предметном, визуальном) получают все большую распространенность в обществе, становятся объектами символического производства и потребления. Заметим, что сам термин «приватизационный тренд» имеет экономическую нагрузку: будучи рыночной стратегией, тренд устанавливает ценность приватности, то есть способствует экономизации самых частных и интимных сфер жизни людей. С этой точки зрения идею приватности можно выразить в экономических категориях - стоимости/ценности, товарности, конвертируемости. Собственно, об этом и говорит актриса Анджелина Джоли, с досадой отмечая, что на сегодняшний день ее личная жизнь составляет 80% ее творческого продукта, состоящего из «глупых надуманных историй о том, что я ношу» [7, с. 194]. В условиях биополитического поворота и «рыночного империализма» мы, действительно, стали свидетелями превращения частной жизни в часть потребительской корзины. Это значит, что даже те сферы, которые прежде считались частными - такие как, забота о теле, здоровье, внешность, повседневные контакты, любовь, секс, дружба - оказались под экономическим давлением оптимизации.

Итак, «приватизационным трендом» становятся новые направления, тенденции, феномены, имеющие склонность к повторению, воспроизводству, обрастающие чертами массовости и типичности. Примером здесь могут служить современные практики коммерциализации и эстетизации частности, пронизанные этосом домашнего комфорта, интимизацией и персонализацией быта. На этом фоне большую популярность приобретают знания о том, как построить вокруг себя Нугге¹ - такое себе пространство «личного сча-

стья». К числу актуальных приватизационных трендов также следует отнести активно развивающиеся стратегии и программы, направленные на то, что Л. Болтански называл «экономизацией аутентичности» [4]. Подразумевается работа по созданию желательных для общества эмоций, которые включаются в число ментальных ресурсов, значимых для достижения личных целей. В целом существующие сегодня приватизационные тренды разнообразны, однако у них всех имеется важная для нас объединяющая черта: все они затрагивают самую сердцевину человеческого опыта - сферу частности.

Использование концепта «тренд» применительно к феномену частности нам видится оправданным еще и в эпистемологическом плане. Продолжая уточнения, можно сказать, что в самой категории «процесс» есть некое позитивистское «принуждение» к естественности, наиндивидуальности и объективности, тогда как «тренд» имеет отчетливо сконструированную природу. Это означает, что его можно создать, им можно управлять (усиливать, продвигать, подавлять), с помощью него можно осуществлять контроль. Другими словами, принятие идеи «тренда» в духе социального конструктивизма, побуждает нас рассматривать тренд *в связи* со структурами Символического порядка, артикулирующими значения, посредством которых субъект обитает в реальности (социальной и лингвистической) как в реальности своего «жизненного мира». Об этом, впрочем, мы уже говорили. Однако в порядке дополнения, стоит уточнить, каким образом логика Социального присутствия в тренде. С позиции лакановского постструктурализма тренд предполагает наличие некоего «культурного послания», созданного в сугубо перформативных целях², которые *лишь отчасти* являются целями самого субъекта. Не то, чтобы субъект не обладал свободой выбора и действий. Этим «лишь отчасти», мы оставляем за субъектом возможность «структурного неподчинения», ибо, как полагает Ли Эдельман, Символическая реальность производит нас настолько, насколько мы готовы «инвестировать себя в нее, цепляясь за ее господствующие фикции, за ее постоянные сублимации как за саму реальность» [12, с.

тами, а за ними и сфера услуг. Например, некоторые рестораны и кафе создают для посетителей Нугге-обстановку. См.: Рогатинский А. Мировые социокультурные тренды к началу 2017 года / А. Рогатинский [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.cossa.ru/trends/148508/> - Загл. с экр. (Rogatinskiy A. Mirovye sotsikulturenye trendy k nachalu 2017 goda [World Sociocultural Trends by the Beginning of 2017] / A. Rogatinskiy [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa <http://www.cossa.ru/trends/148508/> - Zagl. s ekr)

² В этом контексте понятие «перформативность» употребляется нами в том значении, в котором оно было теоретически обосновано Дж. Батлер. Согласно американской исследовательнице, субъект со всеми своими качествами и свойствами - будь то рефлексивность, идентичность, личный интерес, внутренний мир - не существует вне перформативных актов (додискурсивных рамок). В теории Дж. Батлер перформативность и перформанс являются понятиями, означающими регламентирующие и регулирующие действия, которые обладают символической властью и фиксируют субъекта в определенной социальной сфере. См. подробнее: Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение / Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Сб. ст. под ред. И. Градинари. - М.: Изд-во Института Гайдара, 20015. - С. 77-120. (Butler, J. Imitation and Gender Insubordination / by J. Butler // The Lesbian and Gay Studies Reader, ed by Henry Abelove, Michele Aina Barale, and David M. Halperin : Routledge: New York, 1993 - P. 13-32.)

¹ Речь идет о таком актуальном тренде как Нугге - датское слово, обозначающее создание вокруг себя спокойной, комфортной и гармоничной обстановки, а также простые радости жизни: погулять по снежному лесу, почитать книжку у камина, выпить некрепкое вино в кругу близких друзей. Тренд монетизировали производители пледов, душистых свечей, вязаный пончо с котья-

270]. Однако в данном случае нам принципиально важно подчеркнуть, что свой выбор субъект всегда делает «внутри господствующей нарративной логики, в пределах Символической реальности» [12, с. 277].

В свете сказанного выше, наше витальное желание «быть/не быть в тренде» можно объяснить (в стиле психоанализа Ж. Лакана) тем, что само Символическое (функционирующее как структура, (де)конституирующая наши переживания реальность) заставляет нас переживать эту реальность именно в форме следования либо сопротивления тренду. При этом, зонами топологической локализации приватизационных трендов оказалась вся структура приватности, которая, согласно Дж. Бейли, включает три измерения [3, с.20]: 1) *интимность* - семейные, сексуальные, любовные, дружеские отношения, основанные на эмоциональной открытости, взаимном доверии, близости; 2) *социальное «Я»*, подразумевающее весь комплекс практик, связанных с «политикой» идентичностей, включая отношение к собственному телу, здоровью, к соблюдению границ личного пространства участников общения; 3) *бессознательное* – как источник наиболее важных и интенсивных чувств человека.

В целом, отталкиваясь от нашего базового конструктивистского допущения, согласно которому в самом механизме производства приватизационных трендов заложена логика двойного структурирования реальности, можно предположить следующее: с одной стороны, наличные тренды выражают актуальный социальный и культурный порядок вещей, с другой - в трендах воплощается специфика практического участия индивида в производстве собственной жизни (по крайней мере, в той степени, в какой он находит себя в символических посланиях). При этом базовыми ценностями императивами, определяющими актуальный опыт субъективности, становятся самостоятельность, самодостаточность, независимость. Другими словами в актуальной социокультурной ситуации от индивида требуются навыки «самоменеджмента» и «личностного дизайна» в полном соответствии с модным ныне слоганом «Стань художником своей жизни!». В пользу такого утверждения говорит, к примеру, популярность на рынке поп-психологической литературы разнообразных руководств по самосовершенствованию и личностному развитию. «Будь лучшей версией себя» (Д. Вальдшмидт), «Уверенность в себе. Книга для работы над собой» (Э. Мьюир), «Ты можешь больше, чем думаешь» (Т. Армстронг) - это всего лишь несколько названий, выбранных нами произвольно по первой же ссылке на запрос «самые покупаемые книги по саморазвитию» в поисковой системе Google, дающие, тем не менее, ясное представление о личностных предпочтениях современного индивида.

В соответствии с эмансипирующей установкой на самовыражение формируются бакалаврские и магистерские программы, которые предлагают топовые университеты мира. Среди названий курсов по социальным и гуманитарным дисциплинам есть и такие: «Ты-проект: построение и продвижение личного брен-

да» (университет Стэнфорда)³, «Искусство жить» (университет Стэнфорда)⁴, «Активизация твоей повседневной креативности» (государственный университет штата Нью-Йорк)⁵, «Правда и субъективность: личная культура» (университет Бэркли)⁶. Как видим, продвигаются те формы знания, профессиональные и личностные навыки, которые, как сказал бы Ч. Тейлор, составляют ресурс «самоосуществления», а именно - эмоциональный интеллект, креативность в широком смысле, гибкость ума, лабильность, умение управлять собой, формировать собственное мнение.

Позволим себе высказать следующее допущение: востребованность упомянутых выше личностных компетенций можно интерпретировать как проявление политики «дисциплинирования тела», которое вписывается в более общий властный концепт индивидуальных «политик жизни». Представляется, что сам дискурс о приватной жизненной активности, необходимости активных инвестиций «в себя», оформленный в терминах «политики» (политики жизни), прямо указывает на присутствие социального контроля, который ненавязчиво обнаруживает себя в механизмах силовых отношений и «символического насилия». И здесь снова к месту будет вспомнить лакановскую фигуру Большого Другого - «социальной Субстанции, всего того, из-за чего субъект никогда не может полностью управлять следствиями своих действий, из-за чего конечный результат его действий всегда является другим, нежели намечалось ранее» [8]. В такой перспективе предположим, что Большой Другой, постулирующий феноменальную идею самоконструирования как значимую, осуществил, тем самым, своеобразный символический «перенос» собственного авторитета на плечи самого субъекта, который нынче «сам себе стартан» (меткая метафора Б. Гройса). В этом смысле «политики жизни» оказались очередным проектом символической власти, главным задачей которой становится превращение «собственного Я» в конвертируемый продукт.

Итак, какие выводы можно сделать из предложенного рассмотрения? Представляется, что на фоне развернувшихся процессов приватизации современный субъект лишь отчасти выступать «автором» собственной приватной жизни, которая, следует признать, не стала более комфортной и менее проблематичной. Напротив, оказалось, что создавать собственное жизненное пространство «своими силами», когда отсутствует внятный «коллективный повествователь» (Ж.-Ф. Лиотар), заслуживающий доверия, довольно хлопотное дело. Не удивительно, что индивиды чувствуют себя «скорее брошенными, чем свободными» [2]. Тем самым, новое ощущение приватности – очевидно самодостаточной в своем автономном выражении – столкнулось с очередным вызовом. Обнаружилось, что наше расслабление в приватной сфере не может быть полным, поскольку на

³ Информация была взята с сайта Poets & Quants. Доступно на <http://poetsandquants.com/2016/08/18/meet-tyra-banks-stanford-b-school-professor>

⁴ Информация была взята с сайта Coursera. Доступно на <https://ru.coursera.org>

⁵ Там же

⁶ Информация была взята с сайта Лайфхакер. Доступно на <https://lifehacker.ru/2014/04/01/875-besplatnyx-onlajn-kursov-ot-topovykh-universitetov/>

фоне «желания состояться» (разве не к этому призывает нормативные месседжи, заложенные в приватизационных трендах?) в своих публичных и частных ролях, нас тревожит опасность «быть не в тренде», «не преуспеть». Одним словом, нас пугает риск оказаться среди потенциальных неудачников, сделавших неверный выбор, как в публичной, так и в частной сфере. Размышляя об этом, французский философ П. Брюкнер обращает внимание на то, как ловко современные массмедиа организуют «рынок фрустрации, чтобы снова и снова продавать нам шарм и неустранимость под видом советов, косметических средств, всевозможных штук. Освобожденная эпоха делает еще горше участь одиночек, незаметных, вынужденных пропадать

в безвестности, когда все, по-видимому, предаются наслаждению» [5, с. 49].

В результате «автономный, расчетливый, саморегулирующийся субъект неолитерализма» [6, р. 443.], который спасается «бегством» от «коллективной судьбы» (У. Бек) в узком приватизированном мире интимных эмоциональных переживаний, в действительности, испытывает острое чувство фрустрации - политической, экономической, культурной, личностной. Таким образом, ценностный итог «усиления приватности» (Ю. Хабермас) оказался парадоксальным и эта парадоксальность состоит в противоречии между непрерывно рефлексивным Я и внешним характером регулирования этой самой рефлексивности.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. – 430 с.
2. Arendt, H. *The Human Condition* / by H. Arendt. – Chicago: University of Chicago Press, 2013. – 329 p.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
4. Bauman, Z. *The Individualized Society* / by Z. Bauman. – Publisher: Polity Press, 2001. – 272 p.
5. Бейли Д. Некоторые значения «частного в социологическом мышлении» // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ / РАН. – М., 2001. – №3. – с.17 – 21.
6. Bailey, J. *Some meanings of «the private» in sociological thought* / by J. Bailey // *Sociology*. Cambridge, 2000. – Vol.34, №3. – P. 381 – 402.
7. Болтански, Л., Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
8. Boltanski, L., Kyapello, E. *Novyy dukh kapitalizma* [The new spirit of Capitalism] / L. Boltanski, E. Kyapello; per. s fr. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 976 s.
9. Брюкнер П. Парадокс любви: Эссе / П. Брюкнер; пер. с фр. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбахта, 2010. – 272 с.
10. Bryukner, P. *Paradoks lyubvi: Esse* [Paradoxes of Love: Essays] / P. Bryukner; per. s fr. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbakhta, 2010. – 272 s.
11. Gill R. Culture and subjectivity in neoliberal and postfeminist times // *Subjectivity*. – Basingstoke, 2008. – Vol. 25, N 1. – P. 432-445.
12. Грав И. Высокая цена: искусство между рынком и культурой знаменитости / И. Грав; пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 288 с.
13. Grav I. *Vysokaya tsena: iskusstvo mezhdu rynkom i kulturoy znamenitosti* [High price: the art between the market and the culture of a celebrity] / I. Grav; per. s nem. – M.: Ad Marginem Press, 2016. – 288 s.
14. Жижек Сл. «Матрица»или Две стороны извращения / Сл. Жижек [Электронный ресурс] // Искусство кино. – 2000. – №6. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2000/06/n6-article16> – Загл. с экрана.
15. Zhizhek, Sl. «Matritsa»ili Dve storony izvrashcheniya [The Matrix Or The Sides of Perversion] / Sl. Zhizhek [Elektronnyy resurs] // *Iskusstvo kino*. – 2000. – №6. – Rezhim dostupa: <http://kinoart.ru/archive/2000/06/n6-article16> – Zagl. s ekrana.
16. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания / Социология вещей. Сборник статей / Под. ред. В. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 267– 307.
17. Knorr Cetina, K. *Sociality with objects. Social relations in post-social knowledge societies* / by K. Knorr Cetina // *Theory, Culture and Society*. 1997. N4. – P. 23 – 41.
18. Козырьков В.П. Регулятивные аспекты частной жизни: обоснование программы спецкурса // Вестник ННГУ. – Вып.1(5). – 2004. – С.138 – 148.
19. Kozyrkov, V.P. *Regulyativnye aspekty chastnoy zhizni: obosnovanie programmy spetskursa* [Regulatory aspects of private life: justification of the special course program] / V.P Kozyrkov // *Vestnik NNGU*. – Vip.1(5). – 2004. – S.138 – 148.
20. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.
21. Khabermas, Yu. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimization of last capitalism] / Yu. Khabermas; Per. s nem. L.V. Voropay. – M.: Praksis, 2010. – 264 s.
22. Эдельман Ли. Будущее – детская затея / Ли Эдельман // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Сб. ст. под ред. И. Градинари. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 232 – 295.
23. Edelman, L. *The future is kid stuff* / by L. Edelman // *No future. Queer Theory and the Death Drive*. – Durham: Duke UP, 2004. – 191 p.

Privatization trends as a symptom of the crisis of the "joint life" paradigm

E. V. Khodus

Abstract. The article attempts to clarify the reasons for privatization trends actualization in the conditions of modern society, and also to reveal the specifics of their production and consumption within the (post)structuralist paradigm. The thesis is substantiated, according to which it is possible to talk about privatization trends when private codes in a variety of their manifestations (phenomenal, pragmatic, real-object, visual) are becoming more prevalent in the society, they get some economic burden, so they can be expressed in economic categories - value / value, marketability, convertibility.

Keywords: privacy, solidarity crisis, privatization trend, symbolic production, economics of authenticity.